

М. М. Ковалевский

**Развитие народного хозяйства в Западной
Европе**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
М11

М11 **М. М. Ковалевский**
Развитие народного хозяйства в Западной Европе / М. М. Ковалевский – М.: Книга по Требованию, 2021. – 230 с.

ISBN 978-5-517-96342-0

ISBN 978-5-517-96342-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ЛЕКЦІЯ ПЕРВАЯ.

Взглядъ на эволюцію экономическихъ порядковъ.

I.

Съ тѣхъ поръ, какъ Огюсть Контъ положилъ начало динамической социологіи, всѣ составные элементы современной цивилизаціи изучались и въ ихъ происхожденіи, и въ ихъ развитіи. Говорили о прогрессѣ точныхъ наукъ, морали, права, правительства, искусствъ, промышленности и доходили даже до разсужденій объ эволюціи въ области литературныхъ жанровъ. Я знаю одно только исключеніе изъ правила, по которому все въ мірѣ признано подлежащимъ эволюціи. Это исключеніе было впрочемъ скорѣе молча принято, чѣмъ доказано. Экономисты разсматривали современныя формы производства, распредѣленія и обмѣна, какъ нѣчто постоянное, на всегда подчиненное естественнымъ и, слѣдовательно, непреложнымъ законамъ спроса и предложенія, — законамъ, правильное отправленіе которыхъ должно привести всѣхъ и каждого къ богатству и благоденствію.

Такъ какъ это обѣщаніе не осуществилось, то мало-помалу началъ возникать вопросъ о томъ, не является-ли и современный экономическій строй, какъ и все остальное, переходнымъ фазисомъ нашей эволюціи. Обращаясь къ древности

и къ среднимъ вѣкамъ точно такъ же, какъ къ тѣмъ многочисленнымъ народамъ, которые не имѣли исторіи и которые въ силу этого являются достояніемъ этнографіи, мы можемъ констатировать тотъ фактъ, что производство и распредѣленіе богатствъ совершались не всегда одинаково; обмѣнъ совершенно не входилъ въ расчеты первобытныхъ охотниковъ, пастуховъ и земледѣльцевъ, населявшихъ земной шаръ; они довольствовались удовлетвореніемъ своихъ собственныхъ нуждъ и нуждъ того ограниченного круга, въ которомъ протекала ихъ жизнь. Ничто слѣдовательно не заставляло ихъ стремиться къ индивидуальному владѣнію землею или къ накопленію. Рента и процентъ на капиталъ были неизвѣстны, и единственной стоимостью была такъ называемая стоимость потребительная.

Вмѣсто того, чтобы горевать вмѣстѣ съ экономистами о судьбѣ этихъ жалкихъ народовъ, не знавшихъ употребленія монетъ и преимуществъ обмѣна, постараемся отдать себѣ отчетъ какъ въ причинахъ подобнаго порядка вещей, такъ и въ причинахъ, приведшихъ мало-по-малу къ установленію современнаго экономического строя.

Продолжительныя изысканія привели меня къ тому заключенію, что главнымъ факторомъ всѣхъ измѣненій экономического строя является не что иное, какъ ростъ населенія.

Первый вопросъ, который долженъ себѣ поставить социологъ, внимательно изслѣдующій основы опредѣленнаго экономического строя, есть вопросъ о томъ, какова плотность населенія какъ въ данной странѣ, такъ и въ тѣхъ, съ которыми она состоитъ въ болѣе или менѣе тѣсномъ общеніи, ибо достаточно населенію сдѣлаться болѣе плотнымъ, чтобы заставить народъ выйти изъ своей обособленности и принудить сосѣдей своихъ служить интересамъ своего собственнаго производства и потребленія. Такимъ образомъ для меня главнымъ двигателемъ экономической эволюціи является ростъ населенія.

Этотъ взглядъ не имѣетъ ничего общаго съ теоріей Лорія. Для него единственнымъ основаніемъ всей эволюціи экономи-

ческаго строя является прогрессивное исчезновеніе свободныхъ къ занятію земель. Онъ полагаетъ, что *res nullius*, о которыхъ такъ часто заходитъ рѣчь у римскихъ юристовъ, дѣйстви-тельно существовали. Можно подумать, что ему совершенно неизвѣстенъ тотъ, однако же прекрасно установленный общей исторіей права, фактъ, что земля, раньше чѣмъ превратится въ предметъ индивидуальнаго владѣнія, разсматривалась, какъ недѣлимое владѣніе нераздѣльной семьи, рода, племени, что поднятіе нови могло имѣть слѣдовательно мѣсто лишь съ согласія родныхъ, сосѣдей, или того, кто представлялъ собой власть общины, избраннаго герцога, наследственнаго короля, феодальнаго сеньера. Отсюда происходятъ тѣ многочисленные обычаи, которые позволяютъ *vicini* или *comarcani*, т. е. сосѣдямъ-совладѣльцамъ, противиться водворенію пришельцевъ въ ихъ средѣ.

По этой же причинѣ глава вѣрующихъ или глава государства объявлялся въ извѣстный моментъ единственнымъ собственникомъ земли въ той или другой странѣ. Столь любезная федистамъ и встрѣчающаяся уже у Боманаура формула «*nulle terre sans seigneur*» точно такъ же связана съ этой теоріей. Тезисъ Лоріа грѣшитъ слѣдовательно въ своемъ основаніи. Отправнымъ пунктомъ его является признаніе мнимаго факта, который не пришель-бы вѣроятно ему на умъ, еслибы знаменитый падуанскій профессоръ не увлекся въ своихъ изслѣдованіяхъ желаніемъ найти аналогію между аппроприаціей земли американскими поселенцами и той аппроприаціей, которая произошла въ эпоху переселеній германскихъ народовъ. Если поселенцы, являшіеся въ Новый Свѣтъ изъ Европы, приписывали себѣ право перваго захвата, то только потому, что они совершенно не считались съ правами болѣе ранняго происхожденія, съ правами первобытныхъ жителей. Не то было съ германцами, которые нашли земли занятыми славянскими, кельтическими и римскими насельниками и считали себя поэтому только зваными и еще чаще незванными гостями. Туземцы уступали имъ часть

обрабатываемых полей, пастбищъ и лѣсовъ, здѣсь треть, тамъ половину; нигдѣ прежніе собственники не были совершенно лишены своихъ владѣній. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда новыя германскія колоніи выбирали мѣстомъ жительства домены римскихъ императоровъ, земля дѣлалась достояніемъ всей общины и не могла слѣдовательно анпропріироваться безъ согласія послѣдней.

Исслѣдованіе Лоріа содержитъ все-таки долю истины. Извѣстно, что обѣ формы вынужденнаго труда, рабство и крѣпостничество, исчезаютъ вмѣстѣ съ послѣдними остатками свободныхъ и пригодныхъ къ обработкѣ земель; но эти два факта вовсе не состоятъ между собою въ причинной зависимости, они имѣютъ лишь общее происхожденіе — ростъ населенія. Большая плотность требуетъ увеличенія воздѣлываемой площади и болѣе интенсивнаго труда. Пустоши, служащія лишь для выгона скота, были слѣдовательно принесены въ жертву, и свободный трудъ, безконечно болѣе вознаграждающій, занялъ мѣсто крестьянской барщины.

Что касается вліянія роста населенія на экономическую эволюцію, то наша теорія можетъ быть допущена лишь при томъ условіи, если она сама доставитъ доказательства своей жизнеспособности. Она можетъ это сдѣлать, давъ научное объясненіе различнымъ явленіямъ, которыя привели къ созданію современнаго экономическаго строя.

Много разъ указывалось на тотъ фактъ, что народы, живущіе охотой и рыбной ловлей, нуждаются въ очень обширныхъ пространствахъ. Ихъ существованіе и размноженіе возможно поэтому лишь подъ условіемъ, чтобы прилегающія къ нимъ области оставались для нихъ открытыми. Ростъ населенія въ послѣднихъ, прекращая этотъ доступъ, производитъ слѣдовательно то же послѣдствіе, что и увеличеніе числа очаговъ среди самаго племени. Возрастаніе народонаселенія является слѣдовательно могучимъ разрушительнымъ факторомъ для тѣхъ примитивныхъ обществъ, которыя не знаютъ другихъ средствъ существованія, кромѣ

охоты на лѣснаго звѣря и улова рыбы. Одомашненіе животныхъ и обращеніе въ рабство военноплѣнныхъ являются въ этомъ случаѣ единственнымъ средствомъ избѣжать вымиранія безъ рѣзкаго и насильственнаго выхода изъ тѣхъ условій, которыя ставятся сосѣдствомъ столь-же воинственныхъ племенъ, не позволяющихъ безнаказанно нарушать свои границы.

Но еще до этого естественнаго перехода къ пастушескому состоянію первобытные люди приходятъ къ индивидуальной апроприаціи, но не земли и продуктовъ ея, съ которыми они не знали-бы, что дѣлать, а къ индивидуальной апроприаціи оружія, одежды, впрочемъ очень грубыхъ и состоящихъ большею частью лишь изъ отточеннаго или неотточеннаго кремня, изъ кожъ и перьевъ. Производство обходится слѣдовательно безъ института частной недвижимой собственности. Болѣе того, оно принимаетъ чисто коммунистическую форму въ томъ смыслѣ, что въ охотѣ на крупныхъ животныхъ и на человѣка участвуютъ цѣлыя общества людей, сходящіяся изъ различныхъ мѣстъ, но принадлежащія къ одному и тому-же племени. Добыча этихъ общихъ предпріятій дѣлится рѣдко; мясо убитыхъ животныхъ потребляется на мѣстѣ, въ запасъ-же остается лишь то, что можетъ сохраняться втеченіе болѣе или менѣе долгаго времени — жиръ, кожи, рога; они-то и подлежатъ дѣлежу. Разнообразнѣйшіе обычаи регулируютъ этотъ дѣлежъ: рога отдають, на примѣръ, тому изъ охотниковъ, стрѣла котораго первой проникла въ звѣря; часто распредѣляютъ также пай сообразно участию каждаго изъ охотниковъ въ общемъ предпріятіи. Точно такъ же, по словамъ Ринка, у эскимосовъ, сообща охотящихся на акулу, болшій пай отдается тому, кто доставилъ лодку или сѣти, и меньшій тому, кто служилъ общему предпріятію только своими руками.

Итакъ, коллективный трудъ, потребленіе сообща и раздѣлъ на неравные пай всего, что можетъ быть сохранено отъ продуктовъ охоты и рыбной ловли, таковы тѣ принципы, которые регулируютъ экономическій строй рыбацкихъ и охотничьихъ

народовъ и отличаютъ ихъ замѣтнымъ образомъ отъ пастуховъ и земледѣльцевъ, являющихся имъ на смѣну.

Всѣ эти явленія связаны между собой и имѣютъ общимъ источникомъ происхожденія значительное протяженіе урочищъ и слабую плотность населенія. Съ приростомъ послѣдняго совершается переходъ къ новому способу производства, — разведенію домашняго скота. Этотъ видъ занятій требуетъ меньшей территоріи, но большихъ гарантій противъ иноплемennыхъ вторженій. И для того, чтобы защитить пастбища отъ всякихъ покушеній на раздѣлъ со стороны сосѣднихъ племенъ, пастушескіе народы принуждены охранять свои границы силой. Какъ только скотъ становится слишкомъ многочисленнымъ или-же росту травы помѣшали засуха или очень суровый холодъ, племена пастуховъ покидаютъ свои степи и уходятъ на зеленые склоны горъ и въ лѣса, часто остающіеся общими владѣніемъ нѣсколькихъ племенъ. Тѣ, которымъ не достаетъ пастбищъ, обращаются къ сосѣдямъ и заставляютъ ихъ волею неволею принять свой скотъ на прокормленіе. Такъ, на Кавказѣ кабардинцы всегда прибѣгали за пастбищемъ къ горцамъ татарскаго происхожденія, извѣстнымъ подъ именемъ балкацевъ. Политическая зависимость послѣднихъ возникла изъ этой чисто экономической причины. То же самое наблюдается въ отношеніяхъ между тушинами и грузинами большой долины Алазани, столь богатой виноградниками, дающими превосходныя кахетинскія вина. Только на этотъ разъ племена долинъ попадаютъ въ зависимость къ горцамъ.

Весьма вѣроятно, что не одинъ фактъ изъ древней исторіи, вродѣ вторженія гиксовъ въ Египетъ, произошелъ именно въ силу недостатка пастбищъ, который былъ слѣдствіемъ засухи или еще чаще естественнаго прироста населенія, съ сопутствующимъ расширеніемъ скотоводства. Точно такъ же у ирландскихъ кельтовъ встрѣчается поразительный примѣръ очень сложныхъ отношеній, постепенно устанавливающихся между тѣми, у кого много скота и мало пастбищъ, и тѣми, у кого мало скота и много луговъ. Ирландскій *fuidhir* соглашается сдѣ-

иаться подвластнымъ человѣкомъ по отношенію къ *boaire'y*, владѣющему коровами. Не есть-ли это воспроизведеніе въ большихъ размѣрахъ того добровольнаго рабства, которое принялъ на себя, по словамъ Библии, Іаковъ по отношенію къ Лавану, въ надеждѣ быть вознагражденнымъ женами и гелушками. Такимъ образомъ пастушескіе народы приходятъ, въ концѣ концовъ, не скажу къ рабству, но къ извѣстному роду кліентства, которое можетъ затѣмъ сдѣлаться источникомъ настоящей зависимости не только между частными лицами, но и между цѣлыми кланами и племенами. Тотъ фактъ, что названіе *fief* (феодъ) происходитъ, по словамъ филологовъ, отъ слова *ve* или *vieh* — «скотъ» — можетъ служить иллюстраціей этому взгляду.

Постараемся теперь сдѣлать общій выводъ, которому поддаются всѣ эти отдѣльныя черты быта, столь отдаленнаго отъ нашего, что мы съ трудомъ лишь можемъ схватить его истинныя оригинальныя черты. Нѣтъ еще пока никакихъ слѣдовъ индивидуальной собственности на землю. Выгоны принадлежатъ иногда племени, иногда клану или разросшейся семьѣ, тѣмъ *consanguinitates hominum qui una coeierunt*, о которыхъ говорится въ повѣствованіяхъ Цезаря относительно древнихъ германцевъ. Индивидуальная апроприація людей и скота также совершенно еще неизвѣстна. Слуги являются частью «*familia*», частью семьи или рода.

Нѣтъ также индивидуальнаго присвоенія стадъ: продукты ихъ, молоко и шерсть, одни являются предметомъ частнаго владѣнія, ограниченнаго въ своихъ размѣрахъ личными потребностями каждаго. Въ этомъ отношеніи состояніе пастушескихъ племенъ не отличается рѣзко отъ состоянія охотниковъ и рыболововъ. Но рядомъ съ этимъ мы констатируемъ и существенной различіе. Вотъ въ чемъ оно заключается. Домашнее разведеніе скота порождаетъ разницу въ богатствѣ и бѣдности разныхъ родовъ и семей. И этимъ пользуются, чтобы взвалить на плечи бѣднѣйшаго обязанность обеспечивать трудомъ своимъ существованіе и покой болѣе богатой, а слѣ-

довательно и болѣе могущественной семьи или рода. Слуга пастухъ появляется рядомъ со служанкой-прядильщицей. Эти первые подневольные труженики лишь отдаленнымъ образомъ напоминаютъ тѣхъ рабовъ, которыми хозяинъ располагаетъ, какъ своей вещью, какъ своимъ добромъ. Особенно пастухъ является привилегированнымъ существомъ: въ силу многочисленныхъ обычаевъ ему отдается значительная часть годовыхъ продуктовъ стада, за которыми онъ наблюдаетъ.

Договоръ объ отдачѣ скота на прокормъ изъ части прироста, извѣстный въ Италіи подъ именемъ *socida*, имѣетъ въ прошломъ многочисленные образцы въ жизни пастушескаго населенія русскихъ степей. Что касается служанки, она живетъ въ семьѣ, подобно той дочери жреца Аполлона, которую похитили греки подъ Троей и которую Агамемнонъ отказался возвратить, заявляя, что она ни разу не выйдетъ изъ его дворца въ Аргосѣ, что цѣлый день она будетъ пряхъ шерсть, а съ наступленіемъ ночи будетъ приближаться къ его ложу («Иліада», п. 1-я).

Переходъ отъ пастушескаго состоянія къ земледѣльческому совершается медленно. Чтобы взяться за разведеніе скота, нѣтъ еще надобности порывать съ охотой и рыбной ловлею. Послѣднія занятія перестаютъ только быть занятіями регулярными. Тоже самое повторяется съ земледѣліемъ. Ячмень, овесъ, рожь, маисъ, рисъ, растущіе сами собой среди дикихъ травъ, могли собираться пастушескими племенами еще до ихъ перехода къ земледѣлію. При открытіи Новаго Свѣта испанцы наблюдали среди краснокожихъ употребленіе табачныхъ листьевъ, но ничто не доказываетъ, чтобы это растеніе служило для краснокожихъ объектомъ искусственной культуры. Тоже самое по отношенію къ злакамъ встрѣчалось среди германскихъ племенъ, которыя были извѣстны Цезарю подъ именемъ свевовъ. Половина населенія занималась у нихъ земледѣліемъ, половина продолжала охотиться и воевать. Каждый годъ занятія мѣнялись, охотники становились земледѣльцами, земледѣльцы — охотниками. Этнографія даетъ многочисленные при-

мѣры племень, у которыхъ женщины исполняютъ всѣ полевые работы, тогда какъ мужчины остаются охотниками, пастухами, воинами. Еще совсѣмъ недавно на Кавказѣ черкесы и сванеты оставляли за женщинами всѣ заботы по обработкѣ земли, а сами шатались съ ружьемъ въ рукахъ по лѣсамъ или стерегли въ горахъ стада.

Численный ростъ семей вынуждаетъ пастушескія племена перейти къ преимущественному занятію земледѣліемъ и къ новому образу жизни, дѣлающему передвиженія менѣе частыми, заставляющему номада уступить мѣсто домосѣду. Впрочемъ и здѣсь не наблюдается рѣзкаго, непосредственнаго перехода. Земледѣліе само сохраняетъ нѣкоторое время бродячій характеръ въ томъ смыслѣ, что поля обрабатываются лишь втеченіе одного или нѣсколькихъ лѣтъ, послѣ чего ихъ покидаютъ для дѣвственныхъ пространствъ, обѣщающихъ болѣе обильную жатву. Таковъ дѣйствительный характеръ той *Feldgrasswirthschaft*, или, что то же, *подсѣчнаго хозяйства*, отличительной чертой котораго является вырубка или сжиганіе лѣсовъ, кустарниковъ и травъ. Американскіе поселенцы практиковали его втеченіе цѣлаго ряда десятилѣтій, и еще теперь его придерживаются земледѣльцы въ Сибири. Говоря о германцахъ, Тацитъ рисуетъ ихъ перекочевывающими ежегодно съ одного мѣста на другое, занимающимися кочевымъ земледѣліемъ, вынуждающимъ ихъ къ постояннымъ перемѣщеніямъ. Этимъ объясняется, почему по древнимъ юридическимъ обычаямъ жилище относится къ движимости; перевозимыя на дрогахъ кибитки погайцевъ, или тѣ наскоро сдѣланныя изъ кустарника и листьевъ курени, которыми когда-то довольствовались допскіе и диѣпровскіе казаки, тысячу разъ оправдываютъ точку зрѣнія обычнаго права. Но достаточно, чтобы племя возрасло въ численности, при невозможности выйти изъ своихъ границъ, какъ происходятъ важныя измѣненія и въ способѣ обработки полей, и въ другихъ условіяхъ существованія.

Занимать любое количество земли въ любой части общей территоріи теперь уже нельзя. Весь народецъ, составленный

изъ одноплеменныхъ или разноплеменныхъ родовъ, противится подобнымъ заимкамъ, имѣющимъ единственнымъ предѣломъ добрую волю поселенца или, по русской поговоркѣ, его «топоръ и соху». Земля начинаетъ обрабатываться сообща и по надѣламъ; бродячее земледѣліе, при которомъ почву бросали, истощивъ ее сначала рядомъ посѣвовъ, уступаетъ мѣсто организованному двухъ—и трехполью. Частной недвижимой собственности еще нѣтъ. Мѣсто ея занимаетъ тотъ аграрный коммунизмъ, который этнографы и историки констатируютъ у самыхъ различныхъ племенъ, начиная съ краснокожихъ и въ частности съ аптековъ и инковъ, переходя затѣмъ къ ирландцамъ и уэльскимъ кельтамъ, къ извѣстнымъ Цезарю и Тациту германцамъ, къ малайскому населенію Явы, къ раджпутамъ, джатамъ и другимъ арійскимъ и туранскимъ племенамъ Индіи, къ природнымъ обитателямъ Китая, и кончая столь извѣстнымъ примѣромъ русскаго *мира* позднѣйшаго происхожденія и сложнаго характера, которому предшествовалъ болѣе архаическій коммунизмъ, не имѣющій нужды, благодаря слабой плотности населенія и обширности свободныхъ пространствъ въ періодическихъ передѣлахъ.

Въ эпоху зарожденія земледѣлія частная апроприація носитъ временный характеръ. Встрѣчается индивидуальное или скорѣе, семейное владѣніе землей, но ни въ какомъ случаѣ не частная собственность. Цезарь весьма категорически указываетъ на это, говоря о свевахъ: *sed privati ac separati agri apud eos nihil est*. И въ этомъ отношеніи обычай древнихъ германцевъ вполне аналогиченъ тому, который регулируетъ отношенія русскаго крестьянина къ обрабатываемой имъ землѣ. То-же самое можетъ быть сказано о *calpulli* (мексиканскихъ родахъ) и объ *ayllos* (или перуанскихъ), которые, по свидѣтельству Сантилиана, владѣли лишь втеченіе года тѣми полевыми участками, которые ихъ члены подвергали обработкѣ. И земля не только была коллективной собственностью; она даже обрабатывалась сообща. Перуанскіе крестьяне, собираясь дюжинами и отправляясь на работы съ